

Глава 11. Дом

Власти — не те люди, с которыми легко договориться. Стоило старосте шепнуть хоть одно дурное слово, и стражники, привыкшие высасывать последние соки даже из комаров, вмиг превратили бы любое пустяковое распоряжение в грозный указ. Сначала схватят, забьют до полусмерти, а после будут ждать, пока семья принесет выкуп. Выскрести всё из закромов до последней крошки в таком случае — еще легкое избавление.

В худшем же — придется отдавать огромные деньги, чтобы выходить искалеченного, но и тогда люди часто не выживали. Потерять и близкого, и все нажитое имущество — таков был скорбный путь к разорению семьи.

Все еще помнили историю из деревни Синхуа, когда крепкого мужика, не поладившего со старейшинами рода, оговорили перед уездным начальством. Его обвинили в притеснении соседей и издевательствах над односельчанами, а в итоге забили в застенках до смерти. Семье пришлось выплатить огромный штраф, родители скончались от горя, а детей продали в рабство. Крестьяне боялись не от природной трусости, а от горького понимания: в это лихолетье те, кто не боится, живут недолго.

Шао Цин и его товарищи были главной опорой своих семей. Их старшие дети только-только сыграли свадьбы. Если кормильцев не станет, как выживут остальные?

Потому жены и родня, не слушая возражений, мертвой хваткой вцепились в мужчин, увлекая их назад. Как бы сильны ни были Шао Цин с друзьями, они не могли обращаться с близкими как с врагами.

В толпе послышались злые выкрики, обращенные к Лю Тяньцзяо:

— Чем мы тебе обязаны, что ты толкаешь нас на смерть?!

— Люди правду говорят, ты — вестник беды!

Тяньцзяо хотел объясниться. Он всего лишь желал забрать отца домой и больше не иметь дел с этой кучкой мерзких людей из старого дома. Юноша не хотел никому вредить, но слова застряли в горле — он не знал, как заставить их поверить.

— Быть может, почтенные старшие выслушают и мое скромное мнение?

Чистый, мелодичный голос, подобный звону горного ручья, прорезал гомон толпы, принося с собой успокоение. Староста, заметив Вэй Вэнькана, который обычно сторонился деревенских дрязг, нахмурился, но кивнул:

— Говори.

— Цзяо Гэ'эр еще совсем юн, — мягко начал Вэнькан. — Потеря отца лишила его рассудка, что вполне естественно. Вы же, проявляя заботу, действуете из старой дружбы к покойному Лю Лаода. Ваша суровость — лишь плод искренней любви и сочувствия.

Кто бы посмел возразить на такое? Назвать истинную причину — желание распоряжаться судьбой сироты, пока тело его отца еще не остыло — значило навсегда погубить свою репутацию.

Вэй Вэнькан, заметив, что напряжение спало, продолжил:

— Цзяо Гэ'эр поступил опрометчиво, и наставить его на путь истинный — ваш долг. Если слухи о сегодняшнем раздоре поползут по округе, парню в будущем будет трудно найти себе место.

Эти слова пришлись старосте по душе.

— Надеюсь, со временем он поймет, ради чего мы сегодня так старались, — важно кивнул он.

— Несомненно. Тяньцзяо достоин жалости: еще не был выдан замуж, а уже остался круглой сиротой. Единственное, что его держит — желание вернуть отца в родные стены.

Юноша выдержал паузу и добавил:

— У Лю Лаода осталась лишь эта единственная кровинка. Позвольте сыну забрать его, пусть это станет последним проявлением их сыновней почтительности.

Лю Лаояо почуял, что почва уходит из-под ног.

— Мы и сами его жалеем, — поспешно вмешался он. — Но он ведь гэ'эр, да еще совсем ребенок! Как он управится с похоронами? Мой старший брат всю жизнь спину гнул, и если проводить его в последний путь кое-как, он и на том свете не найдет покоя. Сердце кровью обливается при одной мысли об этом!

Младший Лю картинно утер слезы, и многие в толпе сочувственно вздохнули. Вэнькан, казалось, тоже был тронут:

— Пятый дядя истинно благороден. Я буду совершенно спокоен за упокой Лю Лаода, если делами займется такой человек, как вы.

Лю Лаоэр тут же засуетился. Раз уж всю грязную работу свалили на него, то и почести не должны достаться одному младшему брату:

— Брат ушел, и наш долг — хлопотать о нем! — поспешно выкрикнул он.

Вэй Вэнькан почтительно поклонился Второму Лю:

— В будущем Тяньцзяо придется во всем полагаться на вашу опеку, Второй дядя.

«Этот идиот лезет не в свое дело, — втайне проклинал брата Лю Лаояо. — Совершенно не понимает обстановки, только все портит. Рано или поздно я найду способ проучить его».

Лю Дафа, напротив, почувствовал подвох. Ученый малый Вэй Вэнькан явно пришел сорвать им все планы.

— Ты долго рассуждал, — проскрипел старик. — Так к чему же ты клонишь?

— Пусть Тяньцзяо заберет отца. Как единственный наследник, он должен пребывать в трауре перед поминальным алтарем. Сами же похороны, как и полагается, лягут на плечи братьев семьи Лю. Что скажете?

Двое других братьев Лю, доселе хранивших молчание, заметно воодушевились. Их жены и так вовсю ворчали, а в такую жару держать мертвеца в доме было делом сомнительным. Если тело начнет пахнуть, в комнатах потом будет противно жить. Пусть уж племянник забирает его к себе — на его земле и дух будет спокойнее.

— Пожалуй, в словах мальчишки Вэя есть резон, — подал голос Лю Лаосань.

Четвертый брат тут же поддакнул:

— И то верно. И сыновний долг Тяньцзяо исполнит, и мы, как братья, сможем приложить руку.

Лю Лаоэр в ярости уставился на братьев.

«Дураки! Все дело испортили! Нужно было попросить родителей отослать их подальше».

Лю Лаояо понял, что упорствовать дальше — значит выставить себя в дурном свете, и подал знак отцу. Старик Лю, души не чаявший в младшем сыне, нехотя согласился:

— Ладно, пусть будет так. Нечего шуметь и тревожить дух моего первенца.

Раз уж слово взял родной отец покойного, спор был решен. Тяньцзяо бросил на Вэй Вэнькана долгий взгляд, полный невысказанных чувств, и, бережно прижимая к себе тело отца, покинул старое подворье.

Наконец впереди показались знакомые очертания добротного дома из жженого кирпича. Тяньцзяо горько усмехнулся — не то плача, не то радуясь.

В семье Лю было пятеро сыновей и две дочери. Вместе с родителями — девять душ под одной крышей. До того как Лю Лаода вырос и начал работать, в их распоряжении были лишь три жилые комнаты, одна пристройка и сарай.

Поначалу старший сын жил в одной из комнат, но с рождением младших братьев его выселили в холодную пристройку. Родители занимали одну комнату, трое средних сыновей — другую, а две сестры — третью. На расспросы соседней Старуха Лю отвечала, что Лю Лаода вырос больно крупным и будет теснить младших во сне, а раз он старший — пусть терпит.

Когда на свет появился Лю Лаояо, вся деревня в один голос твердила, что малец растет смышленным и явно выбьется в люди. Старик Лю, не имея талантов, всю жизнь мечтал о сыне, который обеспечит ему старость в достатке. Мысль о том, что его младший станет городским господином, грела ему душу: он представлял, как будет почивать на лаврах, навсегда забыв о тяжелом труде в поле.

Младший сын и впрямь рос бойким. Старик Лю, не жалея средств, отправил его учиться. А ученику ведь нужен стол для письма да место потише. Но в комнате с тремя братьями было не развернуться. Тогда родители переселили дочерей в пристройку к старшему брату, а их комнату отдали любимчику.

Что до Лю Лаода... Для него нашелся закуток в кладовой. Тесно, пыльно, но переночевать можно. Первенец в те годы был человеком бесхитростным. Он верил, что учеба брата — дело важное, сестрам в пристройке будет лучше, а ему и в кладовой сойдет.

Только вот крыша в той кладовой давно прогнила. Балка едва держалась, и в сезон дождей Лю Лаода часто просыпался в луже, промокший до нитки. Денег на ремонт в семье вечно не хватало — всё уходило на нужды Лю Лаояо. В тех краях часто шли ливни, и летом Лю Лаода частенько обнаруживал, что его одежда и постель промокли насквозь. Насмотревшись в детстве на дырявые крыши, он поклялся: как вырастет, заработает денег и построит настоящий дом.

Когда он, рискуя жизнью, добыл в лесу черного медведя и выручил за него сто серебряных лан, он первым делом обновил родительское жилье и выровнял просторный двор. Но стоило ему закончить, как пришел указ о наборе в армию.

От каждой семьи требовали одного мужчину. В доме Лю было трое подходящих по возрасту: Старик Лю, Лю Лаода и Лю Лаоэр. Идти на войну — дело гибельное, из соседней деревни Каошань недавно вернулись лишь двое из десяти. Старик Лю идти не хотел, а перечить главе семьи никто не смел. Второй сын тоже был не промах: он видел, как родители балуют младшего, и быстро научился хитрить.

«Кричащее дитя молоко получает» — гласит пословица. Лю Лаоэр так сладко пел родителям в

уши и так жалобно плакался, что те и думать забыли посылать его на смерть.

Идти пришлось Лю Лаода. Всего два дня он успел пожить в обновленном доме, даже к новой кровати не привык, как его угнали на войну. Восемь лет лишений, голода и крови.

Когда он вернулся, родовое гнездо успело обветшать, братья женились и завели детей — места для него не нашлось. Тогда он с боем вырвал свою долю, отделился и на пустом клочке земли у подножия горы поставил две мазанки.

Прошло несколько лет. Он решил перестроить жилье, уже и помощников нанял, но его супруг тяжело заболел. Огромные деньги ушли на лекарства, потом — на похороны. Когда всё закончилось, в ларе не осталось и половины сбережений, а на руках был маленький Тяньцзяо. О кирпичном доме пришлось забыть на годы.

Лишь когда мясная лавка начала приносить верный доход, Лю Лаода наконец накопил на три просторные комнаты из жженого кирпича. Теперь никакой ветер и дождь не были страшны.

Тяньцзяо никогда не забывал тот день. Отец достал бутылку вина, которую берег два года, напился вдрызг и всё твердил:

«Хорош дом из кирпича... Не течет, не дует. Наконец-то выплюсь по-человечески»

Когда он уезжал за скотом и ночевал в чужих краях, то, возвращаясь, всегда говорил сыну:

— Дома лучше всего. Вот состарюсь, никуда больше не пойду, буду целыми днями в своей комнате лежать — красота.

Тяньцзяо осторожно опустил отца на кровать, поправил складки его одежды и подумал, что теперь-то батюшка точно выпится в покое.

Похороны в деревне могли быть и простыми, и сложными. Нужно устроить поминальный зал, выбрать гроб и место на кладбище, а затем — бдение и вынос тела. Зимой бдение длилось семь дней, летом — три. Из-за сильной жары Тяньцзяо решил ограничиться тремя днями, не желая, чтобы прощание с отцом вышло неподобающим.

Лю Лаода был коренным жителем Циншуй, и почти каждый в деревне должен был прийти почтить его память. Обряд обычно проводили на второй день, тогда же накрывали столы для гостей. Именно в этом — в приеме множества людей и устройстве пира — и заключалась главная сложность.

Братья семьи Лю неожиданно проявили рвение. Они уже успели оповестить всех родственников, но когда дело дошло до трапезы на банкет, начались трудности.

Сяо Цянь-ши вкрадчиво заговорила:

— Цзяо Гэ'эр, раз староста велел, мы, твои тетушки, костями ляжем, а столы накроем. И стулья найдем, и посуду, и овощи нарежем — тебе и пальцем шевельнуть не дадим, даже миску мыть не заставим. Только вот семьи наши живут небогато... Чтобы пир справить, нужно вино покупать, мясо... А с серебром у нас сейчас, сам понимаешь, негусто. Что скажешь?

<http://bllate.org/book/15343/1372747>